

ГЮСТАВ
ФЛОБЕР
❖❖

Гюстав Флобер

Простая душа

«Public Domain»

1877

Флобер Г.

Простая душа / Г. Флобер — «Public Domain», 1877

Вступительная статья и примечания А.Ф.Иващенко. В четвертый том вошли произведения: «Кандидат» (перевод Т.Ириновой), «Легенда о св. Юлиане Странноприимце» (перевод М.Волошина), «Простая душа» (перевод Н.Соболевского), «Иродиада» (перевод М.Эйхенгольца), «Бувар и Пекюше» (перевод И.Мандельштама).

Содержание

I	5
II	6
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Густав Флобер

Простая душа

I

В продолжение целого полувека служанка г-жи Обен, Фелиситэ, была предметом зависти пон-л'эвекских дам.

За сто франков в год она стряпала, убирала комнаты, шила, стирала, гладила; она умела запрягать лошадь, откармливать птицу, сбивать масло и оставалась верна своей хозяйке, хотя та была особа не из приятных.

Муж г-жи Обен, красивый, но бедный малый, умер в начале 1809 года, оставив ей двух маленьких детей и множество долгов. Она продала свои поместья, кроме тукской и жефосской ферм, которые давали всего-навсего пять тысяч франков дохода, и переселилась из своего дома на улице Сен-Мелен в другой, требовавший меньших расходов. Он издавна принадлежал семье г-жи Обен и находился за рынком.

Дом этот, крытый черепицей, был расположен между проездом и улочкой, выходившей на реку. Полы в одной комнате были ниже, чем в другой, отчего все спотыкались. Узкие сени отделяли кухню от зала, где г-жа Обен по целым дням сидела у окна в соломенном кресле. Вдоль выбеленной стены стояло восемь стульев красного дерева. На старом фортепиано, под барометром, возвышалась пирамида коробочек и папок. По бокам желтого мраморного камина в стиле Людовика XV висели гобелены с двумя пастушками. Посредине стояли часы, изображавшие храм Весты. В комнате слегка пахло плесенью: пол ее был ниже уровня сада.

Во втором этаже находилась прежде всего большая комната «барыни», оклеенная обоями с бледными цветами; в ней висел портрет «барина» в щегольском костюме. Дверь из нее вела в комнату меньших размеров, где стояли две детские кровати без тюфяков. Дальше была всегда запертая гостиная, уставленная мебелью в чехлах. Из коридора попадали в кабинет. Книги и вороха исписанной бумаги наполняли полки, окружавшие с трех сторон широкий письменный стол черного дерева. Два панно на шарнирах, сплошь покрытые рисунками пером, пейзажами, сделанными гуашью, и гравюрами Одрана, напоминали о лучших временах и о былой роскоши. Слуховое окно в третьем этаже освещало комнату Фелиситэ, выходившую на луга.

Она вставала с зарей, чтобы не пропустить ранней обедни, и работала до вечера без отдыха. После обеда, убрав посуду и плотно закрыв дверь, она зарывала в золу головешку и дремала у очага, с четками в руках. Никто не умел так торговаться, как она. Что касается чистоты, то блеск ее кастрюль приводил в отчаяние других служанок. Она была бережлива и ела медленно, подбирая со стола крошки хлеба; она пекла для себя ковригу в двенадцать фунтов, и ее хватало на двадцать дней.

Во всякое время года Фелиситэ носила ситцевый платок, приколотый сзади булавкой, чепец, скрывавший волосы, серые чулки, красную юбку и фартук с нагрудником, как больничная сиделка.

У нее было худощавое лицо и пронзительный голос. Когда ей минуло двадцать пять лет, ей давали сорок, а после того как ей исполнилось пятьдесят, уже никто не мог определить ее возраста; всегда молчаливая, с прямым станом и размеренными жестами, она была похожа на автомат.

II

И у нее была своя любовная история.

Отец ее, каменщик, разбился насмерть, сорвавшись с лесов. Потом умерла мать, сестры разбрелись в разные стороны. Один фермер дал ей у себя пристанище и, хотя она была совсем маленькая, заставлял ее пасти в поле коров. Она дрогла в лохмотьях от стужи, пила, лежа плашмя на земле, болотную воду. Ее били за всякий пустяк и, наконец, прогнали за кражу тридцати су, которой она не совершила. Она поступила скотницей на другую ферму, и так как хозяева любили ее, приятели ей завидовали.

Худ. О. Леру. 1913.

«Простая душа»

Однажды в августовский вечер (ей было тогда восемнадцать лет) они взяли ее с собой на бал в Кольвиль. Визг скрипок, фонарики на деревьях, пестрые костюмы, кружева, золотые крестики, толпа танцующих, подпрыгивавших в такт, – все это с первой же минуты ошеломило ее; у нее закружилась голова. Она скромно стояла в стороне, как вдруг к ней подошел щеголеватый молодой человек, который курил трубку, облокотясь на ручку корзины, и пригласил ее танцевать. Он угостил ее сидром, кофе, лепешками, подарил ей шелковый платок и, полагая, что она догадывается о его намерениях, вызвался ее проводить. На краю засеянного овсом поля он грубо повалил ее. Она испугалась и стала кричать. Он ушел.

Другой раз, вечером, на бомонской дороге, она хотела обогнать большой воз сена, который медленно двигался впереди, и, поровнявшись с ним, узнала Теодора.

Он подошел к ней как ни в чем не бывало, говоря, что она должна ему все простить, так как тогда «в голове у него шумело».

Она не знала, что ответить, и хотела убежать.

Но он заговорил об урожае и о наиболее видных лицах округи; его отец переселился из Кольвиля на ферму в Эко, так что они теперь соседи.

– А! – сказала она.

Он прибавил, что родные желают, чтобы он обзавелся своим хозяйством. Впрочем, его не торопят, и он хочет раньше найти себе жену по вкусу. Она опустила голову. Тогда он спросил, думает ли она о замужестве. Она ответила, улыбаясь, что нехорошо смеяться над ней.

– Да нет же, ей-богу, нет! – и он обнял ее левой рукой за талию.

Она шла, поддерживаемая его объятием; они замедлили шаг. Дул теплый ветер, звезды блистали, огромный воз сена колыхался перед ними, и четверка лошадей, лениво переступая, поднимала пыль. Затем лошади сами повернули направо. Он еще раз обнял ее. Она исчезла в темноте.

На следующей неделе Теодор добился от Фелиситэ свидания.

Они встречались в укромных местах во дворе, за какой-нибудь стеной, под одиноким деревом. Она не была наивна, как барышни, – животные научили ее многому, – но здравый смысл и врожденная порядочность помешали ей пасть.

Это сопротивление разожгло страсть Теодора, и чтобы удовлетворить ее (а может быть, он и сам верил тому, что говорил), он предложил Фелиситэ выйти за него замуж. Она не знала, верить ему или нет. Он клялся всеми святыми.

Вскоре Теодор сообщил ей нечто весьма неприятное: в прошлом году родители поставили за него рекрута, но со дня на день его могли снова призвать; мысль о военной службе приводила его в ужас. Эта боязнь была для Фелиситэ доказательством его любви, и она еще больше полюбила его. Она потихоньку пришла к нему ночью. Явившись на свидание, Теодор долго мучил ее своими опасениями и неотступными просьбами.

Наконец он объявил, что сам пойдет в префектуру за справками и сообщит все, что узнает, в следующее воскресенье, между одиннадцатью часами вечера и полуночью.

В назначенный час она прибежала к своему возлюбленному.

Вместо него она застала его приятеля.

Тот сказал, что ей больше нельзя видеть Теодора. Чтобы избавиться от солдатчины, он женился на очень богатой старухе, г-же Легуссэ из Тука.

Горю Фелиситэ не было границ. Она бросилась на землю, кричала, призывала бога и стонала до восхода солнца одна в поле. Затем она вернулась на ферму, объявила о своем намерении уйти и, получив в конце месяца расчет, завязала все свои пожитки в платок и отправилась в Пон-л'Эвек.

У входа в гостиницу она разговорилась с дамой во вдовьем чепце, которой как раз была нужна кухарка. Девушка мало понимала в кулинарном искусстве, но с такой готовностью соглашалась на все и была так нетребовательна, что г-жа Обен сказала в конце концов:

– Ладно, я вас беру!

Через четверть часа Фелиситэ водворилась у нее в доме.

На первых порах ее приводили в трепет «этикет дома» и память о «барине», царившие над всем. Поль и Виргиния, – первому было семь лет, а второй едва минуло четыре, – казались ей сделанными из драгоценного материала; она таскала их на спине, как лошадь, но г-жа Обен запретила ей целовать их каждую минуту, что поразило ее в самое сердце. Тем не менее Фелиситэ чувствовала себя счастливой. Ее печаль растаяла в этом тихом уголке.

По четвергам приходили друзья сыграть партию в бостон. Фелиситэ заранее приготовляла карты и грелки. Гости являлись ровно в восемь часов и расходились около одиннадцати.

Каждый понедельник торговец случайными вещами, лавочка которого находилась в проезде, с раннего утра раскладывал на земле железный лом. Затем город наполнялся гулом голов, к нему примешивались ржанье лошадей, блеянье ягнят, хрюканье свиней и стук телег, катившихся по улице. Около полудня, в самый разгар базара, на пороге появлялся старый высокий крестьянин с крючковатым носом, с фуражкой на затылке – жефосский фермер Роблен, а вскоре после него – Льебар, фермер из Тука, толстяк, маленького роста, с красным лицом, носивший серую куртку и кожаные гетры со шпорами.

Оба предлагали своей помещице кур или сыр. Фелиситэ неизменно разоблачала их плутни, и они удалялись, преисполненные уважения к ней.

С давних пор г-жу Обен навещал ее дядя, маркиз Греманвиль, промотавший все свое состояние и проживавший в Фалезе на последнем клочке своих земель. Он всегда являлся к завтраку с ужасным пуделем, пачкавшим лапами мебель. Несмотря на старания казаться чистокровным аристократом, – он даже приподнимал шляпу всякий раз, когда говорил: «Мой покойный отец», – укоренившиеся привычки брали свое: он пил стакан за стаканом и отпускал двусмысленные остроты. Фелиситэ вежливо выпроваживала его, говоря: «Довольно, господин Греманвиль! До свидания!» – и запирала за ним дверь.

Она с удовольствием открывала ее старому стряпчему, г-ну Бурэ. Его белый галстук и плешь, жабо, широкий коричневый редингот, манера нюхать табак, округлая рука, – все его существа вызывало в ней то смущение, в какое повергает нас вид необыкновенных людей.

Бурэ управлял поместьями «барыни» и целыми часами просиживал с ней, запершись в кабинете «барина»; он больше всего боялся уронить свое достоинство, был проникнут безграничным уважением к судейскому сословию и любил вернуть в разговор латинские слова.

Чтобы сделать уроки занимательными, он подарил детям географию в картинках. Они изображали сцены в различных частях света: каннибалов с перьями на голове, обезьяну, похищающую девушку, бедуинов в пустыне, охоту с гарпуном на китов и т. п.

Поль объяснил содержание этих картинок Фелиситэ. Этим и ограничилось все ее образование.

Детей обучал Гюйо – бедняк, служивший в мэрии; он славился своим почерком и имел обыкновение оттачивать перочинный нож на сапоге.

В ясную погоду отправлялись рано утром на жефосскую ферму.

Двор фермы был расположен на склоне холма; дом стоял посередине; море, видневшееся вдали, было похоже на серое пятно.

Фелиситэ доставала из корзинки ломтики холодного мяса, и все завтракали в комнате, примыкавшей к чулану для хранения молока. Одна лишь эта комната осталась от былых времен, когда дом служил дачей. Ветер шевелил обрывками обоев. Г-жа Обен сидела с поникшей головой, подавленная воспоминаниями; дети не осмеливались даже разговаривать. «Играйте же, играйте!» – говорила она, и они убегали.

Поль забирался в овин, ловил птиц, швырял в лужи камни, отчего по воде расходились круги, или барабанил палкой по огромным бочкам для вина.

Виргиния кормила кроликов, носилась по полю, собирая васильки, и ее кружевные панталончики мелькали на бегу.

Как-то раз осенью семья возвращалась вечером лугами.

Молодой месяц освещал часть неба, и, точно шарф, развеваемый ветром, носился туман над излучинами Тука. Лежавшие среди луга быки спокойно глядели на четыре двигавшиеся фигуры. На третьем лугу несколько быков встали и окружили их. «Не бойтесь!» – сказала Фелиситэ и, что-то приговаривая, погладила по спине быка, который стоял к ним ближе всех; тот отскочил назад; другие последовали за ним. Но когда они пересекали следующий луг, вдруг раздался ужасный рев. То был бык, которого скрывал туман. Он двинулся к ним навстречу. Г-жа Обен хотела бежать.

«Нет, нет, не бегите!» – говорила Фелиситэ. Однако они ускорили шаг; за их спиной все ближе и ближе раздавалось громкое сопение быка. Стук его копыт по траве был похож на удары молота. Вот он пустился вскачь. Фелиситэ обернулась, вырвала обеими руками пласт земли и стала бросать ее быку в глаза. Он страшно заревел и нагнул голову, потрясая рогами и дрожа от ярости. Г-жа Обен, растерявшись, пыталась перелезть со своими малютками через высокую ограду на краю луга. Фелиситэ шаг за шагом отступала перед быком, продолжая бросать ослеплявшие его комья дерна, и кричала: «Скорее! Скорее!»

Г-жа Обен спустилась в ров, подтолкнула Виргинию, затем Поля. Несколько раз она падала, стараясь взобраться на откос, и, наконец, с величайшим трудом вскарабкалась туда.

Бык прижал Фелиситэ к самой изгороди, брызгая пеной ей в лицо; еще мгновение – и он поднял бы ее на рога. Она успела проскользнуть между двумя перекладинами, и огромное животное в недоумении остановилось.

В продолжение многих лет это событие служило в Пон-л'Эвеке темой для разговоров. Фелиситэ несколько не гордилась своим поступком, не подозревая даже, что проявила героизм.

Все ее помыслы сосредоточились на Виргинии; девочка заболела от испуга, и доктор, г-н Пупар, рекомендовал ей морские купанья в Трувиле.

В те времена они мало посещались. Г-жа Обен навела справки, обратилась за советом к Бурэ и стала готовиться в путь так, как будто ей предстояло дальнейшее путешествие.

Чемоданы были отправлены накануне в двуколке Льебара. На следующий день он привел двух лошадей; на одной из них было дамское седло с бархатной спинкой, на крупе другой устроено сиденье из свернутого плаща. Г-жа Обен поместилась позади Льебара; Фелиситэ посадила с собой Виргинию, а Поль сел верхом на осла, которого одолжил г-н Лешаптуа, с условием беречь его, как зеницу ока.

Дорога была отвратительная; восемь километров ехали два часа. Лошади увязали в грязи по самые бабки, делая судорожные движения, чтобы вылезть из нее, или спотыкались, попадая в колею, а иногда им приходилось прыгать. В некоторых местах кобыла Льебара вдруг останавливалась. Льебар терпеливо ждал, когда она снова тронется, и рассказывал разные истории о владельцах земель, прилегавших к дороге, дополняя их рассуждениями морального свойства. Так, посреди Тука, когда они проезжали мимо окон с настурциями, он сказал, пожимая плечами:

– Вот некая госпожа Легуссэ. Вместо того чтобы взять молодого парня...

Фелиситэ не слышала остального. Лошади побежали рысью, осел поскакал. Все пустились по тропинке, обогнули плетень. Появились два мальчика, и наши путешественники сошли, перешагнув через навозную жижу, прямо на порог двери.

Увидя хозяйку, старуха Льебар не знала, как выразить свою радость. Она подала завтрак. За жарким из филе следовали рубцы, кровяная колбаса, фрикасе из цыпленка, пенистый сидр, фруктовый торт и сливы, настоянные на водке; все это приправлялось комплиментами по

адресу барыни, у которой «такой прекрасный вид», барышни, которая стала «красавицей», и г-на Поля, который «выглядит молодцом». Она не забыла упомянуть об их покойных дедушке и бабушке, которых Льебары знали, так как служили нескольким поколениям Обенов.

Ферма была так же стара, как и они. Черви источили балки потолка, стены почернели от дыма, пол стал серым от пыли. В дубовом поставце хранились всевозможные инструменты и посуда: жбаны, тарелки, оловянные миски, волчьи капканы, ножницы для стрижки баранов. Огромная клистирная трубка вызвала смех детей.

На трех дворах фермы не было ни одного дерева, у корней которого не росли бы грибы, а на сучьях не торчали бы пучки омелы. Некоторые из них сорвал ветер. Они принялись снова и гнулись под тяжестью покрывавших их ягод. Неровные соломенные крыши, похожие на коричневый бархат, выдержали самые сильные бури. Но каретный сарай почти развалился. Г-жа Обен сказала, что подумает об этом, и велела седлать лошадей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.